
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАПРЕТА НА ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ В НОРМАТИВНОЙ ЭТИКЕ (природа расхождений и возможности синтеза)*

А.В. Прокофьев

Сектор этики
Институт философии РАН
ул. Волхонка, 14-5, Москва, Россия, 119991

В статье проанализированы ключевые подходы к проблеме морального регулирования использования силы: этика ненасилия, деонтологическая этика силы, консеквенциалистская этика силы. Автор предлагает систему аргументов против этики ненасилия и очерчивает контуры синтетической позиции, которая учитывает объективные причины, приводящие к формированию двух других подходов.

Ключевые слова: мораль, этика, запрет на применение силы, деонтология, консеквенциализм, этика ненасилия, этика силы.

Запрет на применение силы выступает в качестве центрального элемента нормативного содержания морали. Хотя он отсутствует в исторически сложившихся кодексах в виде прямой формулировки «не применяй силу и не угрожай ее применением», на его центральную роль указывает то значение, которое придается в них норме, запрещающей убийство.

То, что совершение насильственных действий выступает как приоритетный предмет морального осуждения, определяется тем, что в сравнении с неоказанием помощи оно приносит в мир дополнительные источники вреда другому человеку, а в сравнении с иными способами причинения вреда — оставляет менее всего возможностей от него уклониться.

Конкретно-практическое содержание нормы «не применяй силу и не угрожай ее применением» зависит от морального статуса, который придается ей действующими лицами, а также от выделяемой для нее сферы действия. В первом случае речь идет о том, что она может рассматриваться либо в качестве безусловного запрета (нормативного абсолюта), либо в качестве важного вторичного правила, исполнение которого корректируется другими вторичными правилами или первичными предельно общими принципами.

Во втором случае имеется в виду то, что при сохранении абсолютного статуса запрета последний может применяться ко всем силовым воздействиям на другого человека без исключения или же к ограниченному ряду практических контекстов. Если некоторые типичные случаи применения силы выпадают из-под действия запрета, то он получает узкую интерпретацию. При этом следует иметь в виду, что за пределами круга выпадающих случаев никакие соображения, связанные с более общими нравственными принципами, не могут стать основой для применения силы.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00189а («Запрет на применение силы: моральный статус и практические конкретизации»).

Соответственно, перед ними оказываются три нормативно-теоретические ниши.

Абсолютизация широкого понимания запрета представлена в этике ненасилия. Абсолютизация различных версий его узкого понимания присутствует в деонтологической этике силы. Релятивизация запрета в качестве вторичного правила (правила-презумпции) имеет место в консеквенциалистской этике силы. Оценка этих подходов должна производиться на основе двух критериев. Первый: насколько адекватно в них отражается основная, предельно общая установка морали, состоящая в признании неинструментальной ценности интересов и потребностей каждой человеческой личности и в требовании уважения к ней? Второй: насколько они соответствуют системе частных интуитивных суждений, определяющих оценку тех или иных действий обладателями общераспространенного морального опыта?

Этика ненасилия построена на основе предположения, что единственным способом полноценно выразить уважение к личности другого человека является полный отказ от инициативных или реактивных насильственных действий. Она опирается на два ключевых утверждения. Одно из них гласит, что моральная оправданность действия определяется согласием человека, интересы которого затронуты этим действием, на подобное обращение с ним. При отсутствии такого согласия принимающее решение лицо должно воздержаться от планируемого им поступка.

Применение силы по определению пренебрегает согласием другого и, значит, представляет собой заведомое неуважение к его человеческому достоинству (использование в качестве средства). С этим связана категорическая недопустимость любых силовых воздействий.

Второе утверждение предполагает, что моральная ответственность действующего лица распространяется на весь тот вред другим людям, который оно причинило своими поступками, но не на весь вред, причинение которого оно могло предотвратить. Непредотвращение возможных потерь какого-то человека рассматривается в рамках этики ненасилия как проявление неуважения к его человеческому достоинству (как использование его в качестве средства) только в том случае, если доступный способ предотвращения не сопряжен с намеренным причинением вреда кому-то другому. Отсюда вытекает убеждение в том, что применение силы к одним людям является изначально негодным способом помощи другим [1. С. 19—27].

Этика ненасилия как абсолютистское и широкое толкование запрета на применение силы сталкивается со следующими затруднениями.

Во-первых, она игнорирует целый ряд устойчивых моральных интуиций, связанных с вынужденным применением силы, таких как допустимость самообороны и наказания преступников, а также силового воздействия на некоторых невольных создателей угроз или на тех людей, без применения силы к которым угрозы не могут быть предотвращены.

Во-вторых, этика ненасилия опирается на ту интерпретацию принципа согласия, которая использует в качестве критерия действительное согласие подверга-

ощегося воздействию человека. Однако тот, кто опирается на действительное согласие, неизбежно сталкивается с конфликтами между прошлыми, нынешними и будущими его проявлениями. В силу этого он не может ни обосновать, ни аргументировано отвергнуть недопустимость той или иной стратегии поведения.

В-третьих, столь резкое разделение ответственности за причиненный и предотвращенный вред, скорее всего, является результатом стремления человека устранить из своей жизни моральный риск (риск потерять ощущение своей нравственной правоты в случае ошибочной оценки масштабов причиненного и предотвращенного вреда). А это следует рассматривать как выбор ключевого морального принципа на основе психологической прагматики, а не основе той ценности, которой обладает каждый человек (в том числе те люди, которым можно помочь с помощью силового пресечения агрессивных действий или устранения угроз).

Деонтологическая этика силы настаивает на допустимости некоторых вынужденных силовых воздействий, но устанавливает предельно строгие границы в отношении других. Так, допустимой считается индивидуальная и коллективная оборона в тех случаях, когда угроза неминуема и нападение продолжается. Однако непропорциональное применение силы и ее применение в случаях, когда сохраняется мирная альтернатива силовому решению конфликта, признаются недопустимыми. Кроме того, организованная коллективная самооборона должна безусловно исключать некоторые виды воздействий на нападающую сторону (например, использование вооружений, не соответствующих «принципу гуманности», или пыток для получения стратегически важной информации). В случае с воздающим применением силы категорически недопустимыми считаются наказание заведомо невиновных, наказание без судебной процедуры, наказание с применением унижений и издевательств. Нанесение ущерба третьим лицам для устранения серьезных угроз значительному количеству людей также признается оправданным, однако в строго ограниченном ряде случаев.

Граница между допустимым и недопустимым соответствует различию мысленных экспериментов Трамвай (допустимое применение силы) и Мост (недопустимое). В первом случае спасти пятерых человек от движущегося трамвая можно, только перенаправив его на стрелке в сторону одного человека, во втором случае спасти пятерых можно, только сбросив под трамвай человека, стоящего на мосту и тем самым остановив дальнейшее движение трамвая. Та же самая граница проходит между стратегическим, то есть порождающим сопутствующий ущерб, и устрашающим применением силы к нонкомбатантам.

Обоснование узкой интерпретации запрета на применение силы производится на основе трех теоретических моделей: контрактualистской версии принципа согласия, концепции моральных прав и доктрины двойного эффекта. Они представлены в нормативной этике либо как отдельные, несовместимые и конкурирующие между собой концепции, которые претендуют на полноценный вывод всех регулирующих применение силы норм, либо как объяснения отдельных деонтологических принципов, которые требуют итогового согласования, либо как частные воплощения какого-то одного подхода, признаваемого базовым.

Контрактуализм предполагает, что применение силы в определенной ситуации оправдано, если на него мог бы дать согласие разумный (рациональный) человек, оказавшийся на месте того, к кому применяется сила. В некоторых версиях контрактуализма используются информационные ограничения, которые скрывают от разумного (рационального) субъекта, выражающего свое мнение по поводу определенного принципа, его действительное место среди тех, кого затронут реализацией этого принципа. Он заранее не знает, кто он: агрессор, жертва нападения или несущее потери третье лицо.

В других версиях разумный (рациональный) субъект знает о своем месте, но в силу своей разумности соглашается лишь с тем принципом, который не мог бы на разумных основаниях отвергнуть ни один из затронутых его действием людей. Те, ради кого применяется сила, не могли бы согласиться на альтернативный принцип, который защищает их интересы в меньшей мере. Те, к кому применяется сила, не могли бы отвергнуть предлагаемый принцип, ссылаясь на свои потери, но могли бы это сделать по отношению к любому принципу, который допускал бы более интенсивное применение силы [7. 189—248]. На этой основе согласие может быть получено как от агрессора, подвергающегося пресекающим или воздающим воздействиям, так и от третьих лиц в ситуации Трамвай [6. Р. 199—215; 5. Р. 119—121].

Концепция моральных прав опирается на факт существования безусловно защищенных нравственными принципами и нормами потребностей и интересов человека. При определенном прочтении она могла бы стать основой не просто абсолютистского, но абсолютистского и широкого понимания запрета на применение силы.

Однако есть два рассуждения, которые не дают реализоваться этой возможности. Первое касается потери отдельных прав теми, кто нарушает права других людей.

Так как нарушитель теряет свой иммунитет от силовых воздействий вследствие злоупотребления собственной свободой, то к нему может быть применена сила в меру общественной необходимости или исключительно в меру тяжести нарушения. Вместе с тем существуют такие воздействия, которые никак не могут быть вписаны в деятельность по защите прав, и такие права, которые не возможно потерять ни при каком стечении обстоятельств. В этих случаях мы наталкиваемся на границу морально допустимого [4. Р. 70—102].

Второе рассуждение связано с приоритетом негативных прав над позитивными и относится к мотивированному моральными соображениями применению силы к третьим лицам.

В части таких случаев применение силы является безусловно запрещенным исполнением позитивного права в ущерб негативному (как в ситуации Мост). В другой их части применение силы интерпретируется как вполне допустимый выбор между вынужденным нарушением двух негативных прав, который определяется количеством тех, кто в итоге может избежать вреда (как в ситуации Трамвай) [2. Р. 19—31]. В качестве основы для приписывания прав может выступать принцип согласия (и тогда две концепции сливаются между собой) или иные не связанные с ним критерии.

Доктрина двойного эффекта предполагает, что действие, причиняющее вполне предвидимый вред другому человеку, является оправданным, если благие следствия действия достаточно весомы, чтобы можно было допустить причинение вреда, если вред причиняется в связи с безвыходностью ситуации и не является прямым предметом воления (то есть причиняется ненамеренно), если благие следствия порождены самим действием, а не представляют собой результат последовавшего за ним вреда. Статус ненамеренного получает вред агрессору, который порожден пропорциональным применением силы при самообороне, и вред третьим лицам, который причиняется в ходе достижения масштабной благой цели, но от которого не зависит ее достижение (как в случаях Трамвай и Стратегическая бомбардировка).

Если же вред от применения силы причинно опосредствует достижение цели, то он расценивается как намеренный и действия, порождающие его, попадают под категорический запрет. Необходимость причинения вреда для достижения благой цели может рассматриваться и вне вопроса о намеренности — как непосредственный критерий недопустимости действий. К примеру, причинение смерти в ситуациях Мост и Устрашающая бомбардировка является обязательным звеном в цепи событий, ведущей к благу, и значит, жизнь другого человека выступает для того, кто инициировал эту цепь, в качестве простого средства достижения его цели. Он проявляет неуважение к другому и совершает нечто недопустимое [3. Р. 348]. В этом виде доктрина двойного эффекта поглощается контрактуалистской версией принципа согласия [5. Р. 8—37, 89—122].

Итак, мы видим, что деонтологическая этика силы снимает или смягчает некоторые проблемы этики ненасилия. Она порождает гораздо более соответствующий частным интуициям набор норм. Она снимает противоречия между типами действительного согласия, заменяя его гипотетическим согласием разумного субъекта. Она значительно уменьшает количество случаев, которые можно было бы проинтерпретировать как игнорирование значимости другого в тех ситуациях, где можно предотвратить вред.

И все же каждый из формирующих ее подходов проблематичен. Доктрина двойного эффекта не объясняет все случаи интуитивного одобрения применения силы. К примеру, в рамках наказания ущерб заведомо не выступает как побочный эффект. Кроме того, доктрина очень уязвима в отношении языковых переформулировок ситуации, сдвигающих границу допустимого в сторону ослабления или ужесточения.

Теория моральных прав не может преодолеть принципиальную неопределенность правил, соотносящих нарушенные и потерянные права, что не позволяет определить масштаб допустимого применения силы. Также она неизбежно вытесняет в область недопустимого пресечение тех нападений, которые не являются результатом свободного выбора (нападения невменяемых или людей, которые ошибочно считают себя обороняющимися). Это резко расходится с интуитивно очевидными суждениями. Наконец, контрактуалистское понимание принципа согласия опирается на недостаточно очевидный набор оснований разумного отрицания принципов.

Наряду со специфическими недостатками отдельных концепций есть и те, которые свойственны им всем. Так, любая версия деонтологической этики силы настаивает на недопустимости причинения вреда (например, смерти) небольшому количеству людей ради спасения значительного их количества даже в том случае, когда в результате бездействия, мотивированного уважением к запрету, погибнет как меньшинство, так и большинство. Кроме того, любая версия деонтологической этики силы провозглашает недопустимость предотвращения катастрофических потерь с помощью тех действий, которые противоречат категорическим запретам, но сопряжены с радикально меньшими потерями.

В этой связи у некоторых деонтологов возникает так называемая «катастрофическая оговорка». Однако как только мы начинаем определяться с ее местом в общей системе норм, их концепции теряют свой деонтологический характер.

Консеквенциалистская этика утверждает, что единственно правильным способом реализации морального уважения к каждому человеку в тех ситуациях, когда интересы и потребности разных людей противоречат друг другу, служит использование принципа, предписывающего увеличивать благополучие (или уменьшать потери) наибольшего количества людей.

На этом, предельно общем уровне рассуждения применение силы и отказ от него являются равноправными стратегиями достижения более общей цели. Запрет на применение силы возникает на следующем, менее общем уровне как вероятностная презумпция, выведенная на основе опыта. В некоторых случаях ее ограничивают другие вторичные правила, регулирующие поведение в типичных ситуациях. Таковы правила, позволяющие или предписывающие пресечение нападений или устанавливающие порядок назначения наказаний. В других случаях презумпция неприменения силы преодолевается не вторичными правилами, а прямым использованием расчета суммированного благополучия (или суммированных потерь) в уникальной ситуации [9. 71—93, 256—275]. Тем самым полностью преодолевается проблема нечувствительности к потерям, которые можно предотвратить: все виды вреда находятся на одних весах. Полностью снимается и парадокс «насилия по согласию»: ведь согласие на то или иное обращение превращается из ведущего критерия моральной оправданности/неоправданности действий в один из вторичных факторов, влияющих на благополучие людей. Наконец, исчезает несоответствие с моральными интуициями, касающимися катастрофических ситуаций.

Однако, к сожалению, появляются очень острые противоречия с другими интуициями — например, с теми, которые заставляют однозначно осуждать действия спасителя в ситуации Мост или устрашающие бомбардировки на войне. У сторонников консеквенциалистской этики есть ответ на эту трудность. Противоречащие их позиции интуитивные суждения рассматриваются как результат морально безразличных эволюционных или психологических факторов (например, как следствие разной роли различных видов применения силы в ранний период существования человечества) [8. 331—352]. Однако эти объяснения не достаточно убедительны и порождают вполне обоснованное опасение в том, что в сфере выбора средств для достижения морально оправданных целей консеквенциалистская этика силы создает эффект вседозволенности.

Если недостатки этики ненасилия заставляют полностью отказаться от нее, то деонтологическая и консеквенциалистская силы этика требуют соединения. Наиболее перспективные направления их синтезирования таковы. 1. Создание такой версии консеквенциализма, в которой последствия поступков оцениваются не в свете максимизации благосостояния, а в свете возможностей более полного соблюдения прав (или исполнения запретов). 2. Выявление пороговых величин вреда, за которыми предотвращающее этот ущерб применение силы может уже не считаться с деонтологическими ограничениями, то есть не принимать их в качестве безусловных запретов. После того, как ситуация преодолевает такой порог, решение принимается на основе консеквенциалистских расчетов, в которых вред, вынужденно причиненный с нарушением деонтологических ограничений, рассматривается как обладающий большим удельным весом, чем вред, предотвращенный. Тем самым отдается дань тем моральным соображениям, которые являются предметом озабоченности деонтологической этики силы, но при этом сохраняется возможность предотвращать катастрофические последствия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19—27.
- [2] Foot P. *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. N.Y., 2002. P. 19—31.
- [3] Quinn W.S. *Actions, Intentions, and Consequences: The Doctrine of Double Effect* // *Philosophy and Public Affairs*. 1989. Vol. 18. № 4. P. 334—351.
- [4] Rodin D. *War and Self-Defense*. Oxford, 2002.
- [5] Scanlon T.M. *Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame*. Cambridge, 2008.
- [6] Scanlon T.M. Thomson on Self-Defense // *Fact and Value: Essays on Ethics and Metaphysics for Judith Jarvis Thomson*. Cambridge, 2001. P. 199—215.
- [7] Scanlon T.M. *What We Owe Each Other*. Cambridge, 1998.
- [8] Singer P. Ethics and Intuitions // *Journal of Ethics*. 2005. Vol. 9. № 3—4. P. 331—352.
- [9] Singer P. *Practical Ethics*. Cambridge, 2011.

INTERPRETATIONS OF THE PROHIBITION ON THE USE OF FORCE IN NORMATIVE ETHICS (the Essence of Disagriments and Prospects of the Synthesis)

A.V. Prokofyev

Department of Ethics
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Vokhonka str., 14/5, Moscow, Russia, 119991

The paper analyses main approaches to the problem of moral regulation of the use of force: non-violence ethics, deontological ethics of force, consequentialist ethics of force. The author elaborates arguments against nonviolence ethics and outlines a synthetic approach that takes into account objective reasons generating deontological and consequentialist ethics of force.

Key words: morality, ethics, prohibition on the use of force, deontology, consequentialism, non-violence ethics, ethics of force.

REFERENCES

- [1] Gusejnov A.A. *Vozmozhno li moral'noe obosnovanie nasilija?* // *Voprosy filosofii*. 2004. № 3. S. 19—27.
- [2] Foot P. *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. N.Y., 2002. P. 19—31.
- [3] Quinn W.S. *Actions, Intentions, and Consequences: The Doctrine of Double Effect* // *Philosophy and Public Affairs*. 1989. Vol. 18. № 4. P. 334—351.
- [4] Rodin D. *War and Self-Defense*. Oxford, 2002.
- [5] Scanlon T.M. *Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame*. Cambridge, 2008.
- [6] Scanlon T.M. *Thomson on Self-Defense* // *Fact and Value: Essays on Ethics and Metaphysics for Judith Jarvis Thomson*. Cambridge, 2001. P. 199—215.
- [7] Scanlon T.M. *What We Owe Each Other*. Cambridge, 1998.
- [8] Singer P. *Ethics and Intuitions* // *Journal of Ethics*. 2005. Vol. 9. № 3—4. P. 331—352.
- [9] Singer P. *Practical Ethics*. Cambridge, 2011.